

Э. Лассан E. Lassar
Вильнюс, Литва Vilnius, Lithuania

**КОЛОКОЛ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИМВОЛ
РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ**

(на материале русского поэтического дискурса)

Аннотация. Рассматривается феномен колокола в русской культуре, отраженный прежде всего в поэтическом дискурсе. Поэтический дискурс в силу своей лаконичности и образности позволяет прибегнуть к более широкому обзору трансформаций отображения этого феномена в течение значительных промежутков времени. Автор показывает, что символизация колокола берет начало в поэзии славянофилов, использующих этот образ для своей гражданской и конфессиональной идентичности. И позднее дискурс колокола в той или иной мере всегда содержит выражение гражданской позиции его субъекта, в силу чего такой дискурс может быть отнесен к разновидностям гражданского (политического?) дискурса, утверждающего определенную общественную позицию говорящего.

Ключевые слова: поэзия колокола; благовест; набат; гражданская позиция; маргинальный политический дискурс.

Сведения об авторе: Лассан Элеонора, доктор хабилитации, профессор, кафедра русской филологии (Вильнюсский университет); главный редактор журнала «Respectus Philologicus».

Место работы: Вильнюсский университет.

Контактная информация: LT-01513, Литва, Вильнюс, Университето, 5, Вильнюсский университет, филологический факультет, кафедра русской филологии.
e-mail: eleonora-lassan@yandex.ru.

**BELL AS A POLITICAL SYMBOL
OF RUSSIAN CULTURE**

(on the basis of Russian poetic discourse)

Abstract. The article deals with the phenomenon of the bell in Russian culture, which is first of all reflected in poetic discourse. The imagery of poetic discourse and its being laconic provide a broader overview on the transformations of the ways this phenomenon was reflected during the significant periods of time. The author claims that the sacralization of the bell originates in the poetry of Slavophiles, who used this image for their civil and confessional identity. And later on, the discourse of the bell always embedded a certain expression of a civil position of its subject, due to which such a discourse could be attributed to a type of civil discourse, where a particular public opinion of the speaker is stated.

Key words: “bell poetry”, the ringing of church bells; alarm bell; civil discourse; marginal poetical discourse.

About the author: Eleonora Lassar, Habilitated Doctor, Professor in the Department of Russian Philology at Vilnius University; Editor-in-Chief of the “Respectus Philologicus” Journal.

Place of employment: Vilnius University.

Его набат и тихий звон
Всегда приятны патриоту.
А. Полежаев

Колокол — универсальная культурная ценность, инструмент, звучащий во дни торжеств и бед народных у разных народов, говорящих на разных языках, но в момент тревоги или наивысшей радости обращающихся к звуку, исходящему с колоколен церковей, костелов, кирх или с рукавов шамана, отгоняющего с помощью колокольчиков злых духов. И дискурс культуры магическим образом притягивается к этому культурному артефакту, придавая колоколам и колокольчикам символическое значение, нагружая соответствующими коннотациями обозначающие их слова. Со времен Джона Донна, английского проповедника XVII в., нам стало известно, «по ком звонит колокол». И стало это известно благодаря писателю, бывшему политическим журналистом и написавшему

одноименный роман о гражданской войне в Испании. Интересно, что русского читателя познакомил с Джоном Донном в переводе И. Бродский — человек, как будто бы далекий от политики, но воспринимаемый современниками в качестве диссидента по отношению к советскому режиму. Конечно, политизация дискурса колокола в этом контексте выглядит натянутой, это, безусловно, совпадения (обращение к теме колокола людей, известных своей общественной позицией), и тем не менее данное совпадение позволяет нам начать разговор о политизации дискурса колокола в русской культуре. Современные споры о том, нужно ли встречать поезд «Сапсан» на московском вокзале песней Газманова «Москва, звонят колокола», или уроки патриотизма в школе, неизмен-

ным компонентом которых являются тексты о колокольных звонах, свидетельствуют о том, что колокол как церковный музыкальный инструмент и как объект дискурса вовлекается в политические страсти в российском обществе и выступает союзником или противником в борьбе за определенным образом понимаемые общественные идеалы. Впрочем, колокол «участвует» в современной общественной жизни не только в России. Так, «если звонком на Уолл-стрит объявляют об открытии биржи, то итальянский священник из небольшого северного городка Повельяно вблизи Тревизо ежедневно звонит в колокола своей церкви в 17:30, когда закрывается Миланская биржа. Таким образом, дон Джованни Киршнер, родом из Мerano, решил будить совесть в нынешний момент кризиса» [Итальянский священник бьет во все колокола...], а немецкий священник звонит в Германии в колокол, когда собираются неонацисты, предупреждая общество таким образом о грядущей опасности [Колокольный звон против неонацистов].

«Дискурс колокола», размышление о его роли в жизни общества, появились не в России. Так, широко известно стихотворение Ф. Шиллера «Песнь о колоколе» (1799). Это стихотворение имеет эпиграф «Живых призываю. Мертвых оплакиваю. Молнии ломаю» (на латинском), призванный обозначить функции и роль колокола в бытии^[1] (перевод Д. Е. Мина. Первая публикация — 1856 г.). Немецкий поэт-романтик строит «Песню» как изображение человеческой жизни и жизни общества, важные моменты которой сопровождаются звуком колокола. Эти моменты противопоставлены по признаку радости и печали, добра и зла. Появление ребенка на свет и свадьба оглашаются радостным звуком колоколов, но вот случается всепожирающий пожар — и о нем тоже сообщается звуком колокола, а затем звучит «меди звук», провожая уходящего «в дальний путь могилы». Шиллер не ограничивается описанием моментов индивидуальной человеческой жизни — он обращается к гражданскому звучанию колокола, и здесь также наблюдается антитеза мотивов добра и зла: с одной стороны, колокол звучит, охраняя людей от злых сил, внося в их сердца добро, объединяющее людей в союз «проявленья общих сил», а с другой — звучит во времена разрушительных для государства волнений: *Тогда в руках толпы преступной // Зловещий загудит металл, // И, мира вестник неподкупный, // К насилью первый даст сигнал.*

Примерно те же мотивы спустя полвека зазвучат в американской культуре — в стихотворении Эдгара По, которое в русском

переводе, сделанном К. Бальмонтом, названо «Колокола и колокольчики». Эдгар По описывает веселые звуки дорожного колокольчика, песнь свадебных колоколов, тревожное звучание набата во время пожара и, наконец, звучание погребального колокола, провожающего человека в последний земной путь. Русский дискурс колокола во многом повторяет эти мотивы, что будет показано ниже, однако, на наш взгляд, его серьезное отличие проявляется в том, что в западной культуре роль колокола в жизни человека осмысливается отстраненно: колокол как значимый для жизни человека и общества феномен рассматривается как общечеловеческое достояние, не вовлекаясь в личную сферу говорящего. В российском дискурсе — не сразу — складывается другая традиция: очень личностного размышления о жизни, наполненного страстями и эмоциями, вызванными колокольным звоном: *Когда колокола торжественно звучат, // Веселым звукам их внимаю грустно я* (Ап. Григорьев); *Твердит о счастье необъятном // Далекий звон колоколов* (К. Бальмонт). Мы привели строки из стихотворений поэтов, значительно отстоящих друг от друга во времени, — тема колокола характерна практически для русской поэзии любого общественного периода и эстетических направлений, становится, таким образом, связующей нитью времен. Можно согласиться с Н. С. Каровской, полагающей, что, несмотря на универсальную культурную ценность колокола, существующее осмысление его функции в жизни разных национальных сообществ, для российской истории роль его особенно значительна: «...колокол ... является феноменом русской культуры, воплотившим интеграцию веры; искусства и быта, а потому может рассматриваться в качестве одного из важнейших символов, олицетворяющих духовный мир нации» [Каровская 2000: 4]. Если учесть, что сакрализация колокола свойственна и католическим культурам, можно говорить о том, что русская культура, позиционирующая себя прежде всего культурой православной, широко прибегает к использованию образа колокола для выражения духовного состояния общества.

Попробуем окинуть взглядом русский «дискурс колокола» с тем, чтобы проверить, насколько сказанное автором выше можно считать обоснованным.

В русской истории колокол одухотворяется, персонифицируется: он получает имена людей («Иван», «Годунов» и т. п.)², рассматривается как союзник или противник в политической борьбе, подвергается наказанию за призыв к «общественным проступ-

кам». У колоколов вырывали «язык», секли их плетью, отправляли в ссылку. Так, в 1591 г. в Угличе пономарь Федот Огурец зазвонил в колокол, чтобы оповестить народ о гибели царевича Дмитрия. История гласит, что этот «набатный колокол, звонивший по убиенному царевичу, сбросили со Спасской колокольни, вырвали ему язык, отрубили ухо, принародно на площади, наказали 12 ударами плетей. Вместе с угличанами отправили его в сибирскую ссылку» [Подлинная история ссыльного углического колокола]. Существовавшая в сознании российского общества базовая метафора «колокол — это человек» проявлялась как в том, что колоколам давали имена людей, так и в собственно языковой метафорике, с использованием которой до сих пор описываются части колокола: «Названия частей русского колокола и его литейной формы как нельзя лучше характеризуют благоговейное отношение к колоколу в сознании русских людей, отождествляющее колокола с живыми существами. У колокола, как у человека, есть свои голова, плечи, уши, губа, шейка, тело (туловище), рубашка и т. д. Как и у человека, есть у колокола свои голос и язык — главный „виновник“ звукоизвлечения» [О сохранении колоколов]. А вот как описывает гибель колоколов в 1930 г. М. М. Пришвин в дневнике под рубрикой «Как умирали колокола»: «15 января. 11-го сбросили Карнаухова. Как по-разному умирали колокола. Большой, Царь, как большой доверился людям в том, что они ему ничего худого не сделают, дался опуститься на рельсы и с огромной скоростью покатился. Потом он зарылся головой глубоко в землю. ... Карнаухий как будто чувствовал недоброе и с самого начала не давался, то качнется, то разломает домкрат, то дерево под ним трескается, то канат оборвется. И на рельсы шел неохотно, его потащили тросами...» [Пришвин 1990: 411—422].

Вместе с тем трепетное отношение к колоколам как предметам, входящим в личную сферу говорящего, их сакрализация и символизация складываются не сразу, и запечатленное в фольклорных текстах отношение народа к колоколу не всегда совпадает с выкладками культурологов об освящении колокола и его звона в национальном сознании. Приведем тексты русского фольклора, использующие тему колокола. *Колокол в церковь людей зовет, а сам никогда не бывает. Бездушен колокол, а благовестит во славу Господню. Звони поп в колокола, чтобы попадья не спала. Дан попу колокол, хоть звони, хоть об угол колоти! Дан попу колокол, хоть совсем (хоть разбей) его об угол. Поп за колокол, а мы за ковши. Про*

*глухого попа не разбить колокола; или, на иной лад: Про глухого, попу не разбить колокола. Чужой человек в доме колокол. Чужой человек, что соборный колокол, по вестям. Ваш колокол, хоть разбей об угол. У царя колокол на всю Русь (т. е. рекрутский набор). Стояли люди под колоколами, слышали. Колокола льют (говор. обо всех несбыточных, выдуманных новостях, потому что в отливке колокола, по суеверию, выпускают какую-нибудь небылицу) [Даль 1999]. Здесь колокол не является символом высокой идеи: попу предлагается звонить в него, чтобы разбудить попадью (а не для великих дел), колокол можно расколотить об угол, занятие звонаря противопоставляется более интересному занятию — питию (*поп за колокол, а мы за ковши*), колокол сопоставляется с чужим человеком в доме, в силу чего возникают отрицательные ассоциации, связанные с разносчиками слухов, литье колоколов сравнивается с созданием несбыточных новостей.*

Возможно, презрительное отношение к церковникам, именуемым в народе по их «рабочему инструменту» — колоколу: *колокольного звания* (синонимы: *жеребьячья порода, долгогривый*), — сказало и на отношении к вестнику церковной службы в послереволюционные годы, когда по велению властей рабочие без сожаления (за 8,5 рублей в день) уничтожали колокола [Пришвин 1990: 415]. Вместе с тем революционность, демонстрирующая себя через разрушение колоколов, одновременно подчеркивала их роль как врагов нового режима, олицетворяющих «седую старину», память о которой предстояло преодолеть. Таким образом, колокола в советский период становились политическими врагами, тем более что эта роль исторически не была для них новой. Само имя *колокол* приобрело соответствующие коннотации. Так, журнал Герцена «Колокол» был призван будить российскую мысль, подвергая анализу действия российского правительства и призывая к отмене крепостного права. В сознании последующих поколений название этого журнала связывается со свободной мыслью, оппозиционной по отношению к власти и зовущей к переменам. Спустя более чем полтора столетия «в Пскове <...> объявила о своем рождении еще одна общественная организация: региональный Фонд по защите прав избирателей „Колокол“. Эта организация, по словам ее руководителя С. А. Корсакова, призвана оградить избирателей от публичной лжи. Она будет „напоминать избирателям, что главную роль в процессе выборов играет избиратель и его разум, а не кошельки кан-

дидатов и их непомерные амбиции» [Бобровская 2000]. Представляется весьма показательным название сообщения о создании этой организации: «Набат или благовест для „Колокола“»? И здесь мы подходим к реализации мотива, очень характерного для русской поэзии современности и берущего свои истоки в русской поэзии XIX в.: противопоставление звучания колокольных звонов — благовеста, несущего «благую весть», и набата, звона бедствия, тревоги.

Тема благовеста весьма характерна для поэзии славянофилов, составной частью доктрины которых являлась вера в Православие как единственную спасительную силу христианства. Для них звук колокола воплощает благость и смирение подлинного христианства:

*Приди ты, немощный,
приди ты, радостный,
Звонят ко Всенощной,
К молитве благостной.
И звон смиряющий
Всем в душу просится,
Окрест сзывающий,
В полях разносится .*

С. Аксаков. Всенощная в деревне.
1847—1850

В поэзии славянофилов происходит символизация колокольного звона, его «приписывание» именно России: *И многовещий звон колоколов отчизны // Тот чудный гул, идущий от небес, // Он гласом Божиим нисходил к народу... Знакомый звон, любимый звон — // Руси наследие святое...* (Е. Рас-топчина).

В то же время для славянофилов характерна и пафосная патриотическая струя, окрашенная призывом к исполнению христианских заповедей (А. Хомяков) или великой миссии России:

*Вставай же, Русь! Уж близок час!
Вставай Христовой службы ради!
Уж не пора ль, перекрестясь,
Ударить в колокол
В Царьграде ?*

Ф. Тютчев. Рассвет. 1849

Вообще стихотворения славянофильски настроенных русских поэтов о колокольном звоне можно опознать по встречаемости в их текстах слов *душа, Русь, святой, чудный, благостный*, будь то Ф. Тютчев, С. Аксаков или А. К. Толстой. Гармония, покой или гордое ощущение силы России — вот чувства, наполняющие стихи русских поэтов этого направления мысли при звуке церковного благовеста, который становится фактором их национальной и гражданской самоиден-

тификации. Если учесть, что славянофилы в идейном отношении оказались преемниками уваровской триады «самодержавие, православие, народность», то можно сказать, что их поэзия колокола носила апологетический характер по отношению к существующему положению вещей, несмотря на принципиальные расхождения с самодержавием в вопросе крепостного права.

Тема колокола актуальна в XIX в. не только для славянофильского поэтического дискурса. Однако если у славянофилов звук колокола вызывает сладкие слезы, то в поэзии неславянофильского толка он чаще напоминает об исторических коллизиях прошлого, об утраченном времени новгородского вече.

*Звон медный несется, гудит
над Москвой,
Царь в смирной одежде трезвонит;
Зовет ли обратно он прежний покой
Иль совесть навеки хоронит?
Но часто и мерно он в колокол бьет.
И звону внимает московский народ,
И молится, полный боязни,
Чтоб день миновался без казни.*

Милысеев, ок. 1840 г.
Из поэмы «Василий Шибанов»^[3]

Здесь старина отнюдь не безоблачна — звук колокола описывается как несущий тревогу и страх казни. В этом воспоминании — скрытый протест против времен Малюты Скуратова, и колокол находится в синтагматической близости со словами *опричник, кромешная тьма, лютый* (о звонящем в колокол Вяземском). Душа полна гражданским ропотом и у Ап. Григорьева: *Когда колокола торжественно звучат // Иль ухо чуткое услышит звон их дальний, // Невольно думаю печальную объят, // Как будто песни погребальной*. Герой процитированного стихотворения Ап. Григорьева мечтает о «благовесте» свободы, когда колокол возвестит о возрождении вольного духа Новгорода: *И весело тогда на башнях и стенах // Народной вольности завевает красный стяг...* Чем навеяна память о «Новгородской вольности»? Если исходить из того, что историческая память определенным образом питает настоящее в соответствии с его запросами, то, видимо, тоска по временам Новгорода связана с неприятием времени, чей дух противоположен духу древней демократии.

Итак, говоря о мотивах колокольного звона в поэзии XIX в., мы отметили бы две струи в развитии этого мотива: благостное чувство при звуке колокола, одновременно говорящее о патриотизме воспринимающей души, и гражданское чувство неприятия дес-

потии, сожаление по утраченному времени новгородской вольности. Каждая «струя» имела свой лексический репертуар, свое контекстуальное окружение для слова *колокол*. При этом слово *благовест* могло не употребляться — оно заменялось метонимическим *звон* (эпитеты: *мощный, призывный, радостный, благостный, любимый* — у славянофилов; *дальний, медный, звон колоколов, торжественно-свободный* — у неславянофилов). Таким образом, можно говорить, что фрейм колокола используется в порождении определенных фрагментов поэтического дискурса, который можно интерпретировать как гражданскую лирику, выражающую общественные предпочтения говорящего. **Перед нами в сущности определенным образом организованный гражданский дискурс — с опаской автор назвал бы его маргинальным жанром политического дискурса, который отличается от традиционного политического дискурса как своей формой, так и установкой: нацеленностью не на борьбу за власть, не на участие в межличностном и межпартийном конфликте, а на выражение общественных симпатий, ставших очень личностными.** Такое выражение общественной позиции не предполагает ответной реплики в силу того, что поэтический язык имеет в большей степени эстетическую (Р. Якобсон), а не коммуникативную функцию, если понимать под последней обмен информацией. **Этот дискурс лишен агональности, что принципиально отличает его от традиционного политического дискурса и помещает в разряд маргинальных жанров: субъект и адресат не принадлежат политической сфере, но содержание связано с проблемами, трактуемыми как общественно значимые, связанные с политическими предпочтениями субъекта.** Думается, подобные факты позволяют рассматривать поэтические тексты как политические — в том случае, если автор выражает свою гражданскую позицию, которой может быть противопоставлена другая, или если автор своей позицией вписывается в политическую доктрину. Именно это наблюдается в приведенных выше текстах Е. Растопчиной, Ф. Тютчева, Ап. Григорьева: «звон Отчизны» воспринимается как благостный (консолидация с определенной доктриной) или как напоминающий о зверствах, следующих за этим звоном (протест против исторических коллизий, способных повториться в современности); он может призывать к походу на Царьград для объединения славян под эгидой русского царя (панславизм) или выражать неприятие

самодержавного правления, что придает поэтическому тексту политическое звучание. От традиционной политической поэзии, обычно не включаемой в политический дискурс [Перельгут, Сухоцкая 2013], такие стихотворения отличаются тем, что не являются реакцией на непосредственно переживаемые события. Например, пушкинское стихотворение «Клеветникам России» безусловно является политической поэзией своего времени и отозвалось эхом политических страстей в Литве в период провозглашения независимости в 90-х гг. прошлого века. Стихотворение было воспринято как политический документ, отказывающий Литве в праве на самоопределение, и памятник поэту был перемещен со своего места в центре города на его окраину в поместье сына Пушкина — Г. А. Пушкина. Этот пример показывает, что политическая поэзия есть жанр политического дискурса, а также демонстрирует, как историческая память служит настоящему. Большинство цитируемых стихотворений не относятся к собственно политической поэзии, тем не менее они могут быть рассмотрены как выражение согласия/несогласия с политикой существующего в стране режима. Разумеется, здесь встает вопрос о границах политического дискурса, и автор понимает сложность с формулированием однозначного ответа; единственный критерий, который мы можем предложить — это вероятность ответной «политической реплики», интерпретации стихотворения в школьных учебниках как идеологически выдержанного или непосредственного действия властей по отношению к автору и произведению (запрет, хула, ссылка и т. п.; примером может служить стихотворение Е. Евтушенко «Бабий Яр»^[4]). Трудно и в наши дни не согласиться с высказыванием датского философа: «В нынешние времена — все политика» (С. Кьеркегор).

Гражданские мотивы получили продолжение в поэзии колокола и в последующий период — время Серебряного века, в целом «аполитичного»: для поэзии начала прошлого века в большей степени характерно восприятие колокольного звона как элемента пейзажа, возбуждающего определенные мысли и чувства. Устремленность к небу, обращенность к дольному миру под звон колоколов — характерная черта поэтов-символистов, на фоне которой так резко выделяются стихотворения Ф. Сологуба и Н. Гумилева, изображающих колокол символом грядущих изменений; у этих авторов слово *свобода* не столь уж редкий контекстуальный сосед слова *колокол*: *Порыву гордому послушен // Торжественно-свободный звон* (Ф. Сологуб).

Стихотворение Сологуба «Соборный благовест» написано уже в XX в. — в предощущении революции (1904 г.), — и вот здесь, возможно, впервые в русской поэзии возникает метафора колокольного звона как вестника духа времени — благовест противопоставляется набату.

*Клеветники толпою черной
У входа в город нам кричат:
„Вернитесь! То не звон соборный,
А возмущающий набат“.*

1904

Так благовест в поэзии, включающей, наряду со словом *колокол*, слово *свобода*, начинает совмещаться с набатом, тема которого, как будет показано ниже, прозвучит громко спустя век.

Мотив революции, сопровождающейся смертью, в 1908 г. пророчески реализует и Н. Гумилев в стихотворении «Колокол»:

*Тяжкий колокол на башне
Медным ревом заревел,
Чтоб огонь горел бесстрашной,
Чтобы бешеные люди
Праздник правили на груди
Изуродованных тел.
Звук помчался в дымном поле,
Повторяя слово „смерть“.*

Н. Гумилев тоже рисует многогранное звучание колокола, то «медным ревом» вызывающего огонь и боль, то зовущего к «созидающей борьбе». Пророческое видение Н. Гумилева сказалось и в том, что он предвидел, как умолкнет этот звук (*А потом он умер, сонный*), превратившись для непосвященных «пастушков» в звук свирели, принадлежащий влюбленному богу. Как тут не задуматься о современности, предающей забвению то, что случилось в России в начале прошлого века — стремление к забвению проявляется, в частности, в охоте, с которой переименовываются города и улицы, носящие имена деятелей русской революции. А город, которому присвоено имя создателя ЧК, активно празднует День всех влюбленных, широко оповещая об этом мероприятии через Рунет: «14 февраля 2013 года в Дзержинске пройдут различные тематические программы и вечера, посвященные Дню всех влюбленных. Так куда же пойти дзержинцам, чтобы приобщиться к европейскому празднику?» [Серёгина 2013] (!).

Таким образом, можно констатировать, что в XIX — начале XX в. колокол задает одну из инвариантных тем русской поэзии: он интерпретируется как голос Руси для славянофилов, как глас свободолюбивого прошлого в неславянофильской поэзии, как

предощущение революции в некоторых стихотворениях Серебряного века. Если сопоставить эти мотивы с мотивами Шиллера и Эдгара По, то, очевидно, можно сказать, что русская поэзия колокола отличается большей гражданственностью и личностностью одновременно: колокольный звон воспринимается в ней как желанный голос родины и ее истории или как призыв к протесту и революции, ожидание которой окрашивается то в радостные, то в грозные тона.

Что же происходит с «колоколом» в поэзии советского периода? В ней тема колокола по понятным причинам практически прерывается. Колокол замолкает как источник сакральных звуков, но тема его все-таки не исчезает полностью.

*Видно, вправду скоро сбудется
То, чего душа ждала:
Мне весь день сегодня чудится,
Что звонят колокола.
Только двери в храме заперты.
Кто б там стал трезвонить зря?
Не видать дьячка на паперти
И на вышке звонаря.
Знать, служение воскресное
Не у нас в земном краю:
То звонят чины небесные
По душе моей в раю.*

Дм. Кедрин. Колокола. 1941

Это Дмитрий Кедрин, автор известного стихотворения «Зодчие», в котором возникла тема ослепительной красоты храма, возведенного русскими зодчими, ослепленными «в благодарность» по велению государя, дабы не могли они воздвигнуть церкви краше, чем «храм Покрова». У Кедрина колокола не звонят на земле, их звуки — звуки другого мира. Но когда замолкает колокол на земле и о нем уже не говорят как о символе Руси, возникает заместительная тема — «тема колокольчика»: этот цветок становится символом России-родины, у самых смелых поэтов перекликающимся с колоколом. Так, в творчестве Н. Рубцова колокольный звон сливается со звуком, издаваемым цветком колокольчика:

*Звон закольный и окольный,
У окон, около колонн, —
Я слышу звон и колокольный,
И колокольчиковый звон.*

Н. Рубцов. Левитану. 1960

В поэзии советского периода *колокольчик* достаточно часто находится в контекстуальной близости со словами *родина*, *Россия*:

*Кто же первый сказал мне на свете
о ней.
Может, птица-синица, береза в лесах,*

*Колокольчик с дороги, калитка в саду,
< ... >*

Я не помню, кто мне о России сказал.

С. Орлов.

Серия «Россия — Родина моя». 1960

И у «совсем советского» поэта Ст. Куняева: *Здравствуй, русско-советский пейзаж, то одна, то другая примета. Колокольчик... Приятная блажь ... Здравствуй, родина... Многая лета!* Обратим внимание на определение при слове пейзаж: *русско-советский*. Эта преемственность, подчеркивание того, что пейзаж именно российский (а не, например, молдавский) и включает как элемент цветок колокольчика, а также церковный оборот «многая лета» — всё это отсылает к образу церковного колокола как символа России, наследником которого в атеистические времена становится цветок — колокольчик. Таким образом, и колокол, и колокольчик являются символами практически одного и того же явления — России-родины, а обозначающие их лексемы включаются в дискурс гражданского самосознания.

Традицию использования колокольчика в гражданском дискурсе можно возвести к широко известному стихотворению А. К. Толстого «Колокольчики мои, цветики степные» (1840), которое отнюдь не является «пейзажной лирикой», как это можно предположить, если знакомиться со стихотворением по фрагменту из школьных учебников. Колокольчики в стихотворении Толстого гибнут под копытом коня, несущегося в неизвестное. Что олицетворяет собой этот конь?

*Есть нам, конь, с тобой простор!
Мир забывши тесный,
Мы летим во весь опор
К цели неизвестной.
Чем окончится наш бег?
Радостью ль? Кручиной?
Знать не может человек —
Знает бог единый!*

Разумеется, возникает аллюзия на гоголевскую тройку — Русь, мчащуюся в неизвестное будущее. В стихотворении Толстого возможным конечным пунктом движения коня является град (Москва), где происходит объединение славянских народов, что явно «немцам не по сердцу». В современном общественном контексте стихотворение звучит весьма актуально. И это стихотворение не обходится без упоминания колокола: *Иль влетим мы в светлый град // Со кремлем престольным? // Чудно улицы гудят // Гулом колокольным.*

Эти два феномена — цветок и «конусообразный предмет для различных технических надобностей» (такова дефиниция слова

колокол в словаре С. И. Ожегова) связаны с собой и по легенде: изобретение колокольного звона в Европе принято приписывать святителю Павлину, епископу Ноланскому: «Из жития святого известно, что, возвращаясь как-то домой, святой Павлин прилег отдохнуть на поле, поросшем колокольчиками. Во сне он увидел, как с небес нисходят светлые ангелы, раскачивают колокольчики, и те издают нежные серебряные звуки, сладкие, как ангельское пение. Возвратившись домой, он приказал мастеру отлить большую бронзовую копию полевого цветка. Когда колокол был отлит, епископ ударил по нему, и тотчас вокруг полился полнозвучный и приятный, как глас Божий, звон. Предание гласит, что это событие произошло около 400 г. в Европе» [Степанова и др. 2013: 128]. Не случайно название науки о колоколах (кампанология) и латинское обозначение колокольчика (campana) восходят к одному корню.

Но колокол издает не только звуки, ласкающие слух. У Дм. Кедрина, уже упоминавшегося нами, возникает тема набата, посылающего звук из прошлого в настоящее, в котором живет поэт (1907—1945): некогда звучавший во времена Новгорода, обороняющегося от врагов, набат звучит во время великой войны (*И колокол гудел над головой // Так, словно то сама душа России // Своих детей звала на смертный бой!*). Так через звук колокола осуществляется связь времен между поколениями России — и перед нами вновь гражданский дискурс. Колокольный звон в русском советском дискурсе часто ассоциируется с воспоминаниями о жертвах последней войны: ср. «Бухенвальдский набат», «колокола Хатыни». И в поэзии возникает та же тема, иногда приобретая неожиданное звучание:

*Когда звонят колокола,
то просыпается зола
врагом сожженных деревьев
на распроклятой той войне,
и в каждом колоколе скрыт
набат, который чутко спит,
и в каждом русском скрыт набат —
пусть где-то в самой глубине.*

Е. Евтушенко.

Когда звонят колокола. 60-е гг. XX в.

Е. Евтушенко как будто бы остается в традиционном русле памяти о «врагом сожженных деревьях», но вот заключительные строки приведенной строфы уже требуют интерпретации: о каком набате говорит поэт — не о том ли, который, как у Шиллера, «к насилью первый даст сигнал», когда возникнет бунт проснувшейся души?

Интересно, что тема колокола звучит чаще всего в творчестве поэтов, в той или иной мере не принимаемых официальной культурой. Так, ранний В. Высоцкий начался с колоколов:

*Вот в набат забили:
Или праздник, или —
Надвигается, как встарь,
чума!
Заглушая лиру, звон идет по миру, —
Может быть, сошел звонарь.*

Вот в набат забили. 1971

Здесь, с одной стороны, подобное сологу-бовскому соединению в колокольном звоне звуков тревоги и радости, а с другой — подобное гумилевскому предупреждению о грядущей опасности: *Запах тленья, черный дым и гарь // Звон все глуше: видно, // Сверху лучше видно — // Стал от ужаса седым звонарь.*

В творчестве Высоцкого так же, как у славянофилов, осуществляется «приписанность» колокола России, однако не через ласкающий звон благовеста, а через звук, соединяющий в себе выражение противоречивых эмоциональных состояний (подобно противоречивым началам русской души), звук, свидетельствующий о неблагополучии земли, колющей небо колокольными:

*В синем небе, колокольнями
проколотом, —
Медный колокол, медный колокол —
То ль возрадовался, то ли осерчал...
Купола в России кроют
чистым золотом —
Чтобы чаще Господь замечал.*

Купола. 1975

В близком ракурсе — обеспокоенности происходящим и предвидения бурного будущего — тема колокола и колокольчиков, но уже не цветов, зазвучала в русском роке в знаменитой балладе А. Башлачева «Время колокольчиков». Здесь времена разорваны: *звонари по миру слоняются. Колокола сбиты и расколоты.* И тогда наступает время колокольчиков. Поначалу кажется, что поэт говорит об измельчании ценностей: *Если нам не отлили колокол, // Значит, здесь время колокольчиков.* Но это не так: *Эй, братва! Чуете печенками // Грозный смех русских колокольчиков?* Происходит отсылка к легенде о разбившемся на множество колокольчиков новгородском колоколе, отправленном Иваном III из покоренного города в Москву и не захотевшего звучать вместе с московскими колоколами. В этой балладе предвосхищается многое, и прежде всего время «свистопляса». Безобидный и трогательный колокольчик становится

грозной метафорой протеста и «смутного времени»: *Загремим, засвистим, защелкаем, // Прoberет до костей, до кончиков* (можно усмотреть и здесь интертекстуальную связь со стихотворением А. К. Толстого: *Эй! Выводи коренных с пристяжкой // И рванем на четыре стороны*).

Это уже не благовест прошлого и не «колокольчик под дугой» — вечный странник бесконечных русских дорог прошлого. Метафора колокола, издающего тревожный звук набата, разовьется несколько позже: *Не благовест — набат нисходит с колоколен, где столько долгих лет молчала пустота* (Ст. Золотцев. 1989—1990). Обратим внимание на дату написания этих строк: колокола возвращаются на колокольни. И издают не звон-благовест, а звук набата. Этот **набат** — метафорическое обозначение общественного неблагополучия, сложный образ, отсылающий к прошлому и одновременно сигнализирующий о «пожаре» современности, призывающий к противостоянию общей беде. Отметим контекстуальную близость лексем *благовест* и *набат* — она вообще характерна для современной поэзии, где звуки, с одной стороны, противопоставлены друг другу по своей функции, с другой — воспринимаются как единое целое: **Благовест тревожен, как набат** (Г. Онанян. 2001). Если поэзия благовеста — это поэзия гармонии и мысли, то поэзия набата — это поэзия тревоги и призыва. В зависимости от того, что преобладает в поэзии — благовест или набат, мы можем судить о духе времени. В современной поэзии звучит набат.

*Ударили в набат и замолчали
Колокола России в один год.
Иуды веру в господу продали —
И застонал измученный народ.*

Н. Климкин.

Ударили в набат и замолчали. 2013

В этой поэзии *благовест* и *набат* включаются в контекст, который усиливает антитезу ситуаций их звучания и вместе с тем создает оксюморонную метафору «благовест набата», выражающую желательность «общего сбора»: *Преображеньем на Кроуи взорвётся благовест набата.* < ... > *Вчера сорока принесла: льют на Руси колокола...* (Андрей Злой. 2006). Насколько можно судить, перед нами поэзия предупреждения, усиливающегося с каждым днем (см. даты написания приведенных строк). *Лить колокола* в этом контексте отсылает к другому выражению: *лить пушки*, и колокол начинает восприниматься как оружие, точнее орудие мщения. Если *колокол* и *благовест* прошлого не были метафорическими, то со-

временный *набат* — это метафорический призыв к *крови*.

*Нам не впрок молитвы на закат —
вновь придет рассвет
в безбрежной сини,
над врагом истерзанной России
завучит зовущий нас набат.*

В. Патрушев.
Памяти Максима Трошина. 2009

Круг замкнулся: мы возвращаемся к Шиллеру. Возможно, Евтушенко был пророчески прав, когда говорил о живущем в каждом русском набате.

Мотив кротости, характерный для представления о русском христианстве, тоже звучит в современном дискурсе:

*На свете нет нежнее и невиннее,
Милей и краше северных берез.
Моя душа для всех, как небо синее,
Без темных туч, без молний и без гроз.
Так пусть она такую и останется,
Пока над Русью бьют колокола.*

В. Сивер-Чиненый.

Пока над Русью бьют колокола. 2014 —

но он гораздо тише, чем голос мятежности. И сама апелляция к колоколам в поисках нравственной опоры является в известной степени полемической, обращенной против тех «Иуд», что в стихотворении цитировавшегося выше Н. Климкина продали веру в Господа — он придет к ним «творить свой суд суровый». Итак, характеризуя современность, можно сказать, что **благовест сменяется набатом**. Происходит это прежде всего в тех стихотворениях, что стилистически близки к поэзии славянофилов. И выраженное в них неприятие действительности, возможно, канализированное сегодня, в эпоху украинских событий, звучит прямой угрозой современности. Не хотелось бы, чтобы сбывалось примечание редакции к статье А. Янова «Золотой век русского национализма»: «Славянофильство приняло форму панславизма и затем выродилось в черносотенство и далее — в сталинский национал-большевизм... Романтика хороша у студенческого костра, а в качестве государственной идеологии губительна» [Янов].

В качестве итога можно сказать, что в русском дискурсе, прежде всего поэтическом, через обращение к теме колокола выражается гражданская позиция говорящего — социальная память накладывает определенные рамки на характер его звучания: это национальная самоидентификация, память о войне, апелляция к истории, тревога и протест против современности. Поэтому мы склонны рассматривать поэтический дискурс

колокола как разновидность гражданского дискурса (мы осмелились выше назвать его **маргинальным жанром политического дискурса** и в заключении не отказываемся от этого, хотя принятие этого тезиса требует времени).

Если вслушаться в сегодняшнее звучание колокола в стихах Рунета, то хочется вспомнить строки раннего Высоцкого:

*Бей же, звонарь, разбуди полусонных,
Предупреди беззаботных влюбленных,
Что хорошо будет в мире сожженном
Лишь мертвецам и еще нерожденным!*

Набат. 1971 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Эта надпись на латыни («*Vivos voco, mortuos plango, fulgura frango*») сделана на Мюнстерском колоколе в Швейцарии, вдохновившем Шиллера к написанию «Песни о колоколе».

[2]. В западной традиции репертуар имен шире, чем в православии: колоколам дают и женские имена [Оловянишников] или имена святых [Нарожная 2004].

[3]. Шибанов, Василий — «стремянный кн. А. М. Курбского. По одному известию, в мае 1564 г., а по другому 30 апреля 1564 г. бежавший с ним к литовскому королю. Воеводы поймали и отправили его к царю. По другому, Ш. поджидал князя с оседланными конями у Дерпта, и способствовал таким образом его бегству. Впоследствии Ш. привез из Литвы царю „досадительное“ письмо, которое Иоанн слушал, вонзив в ногу верного слуги князя жезл. Ш. пытали в надежде, что он раскроет козни Курбского и его сообщников; но Ш. умер в страшных муках, оставшись верным своему господину» [Шибанов, Василий].

[4]. 19 сентября 1961 года стихотворение было опубликовано в «Литературной газете». Перед публикацией главный редактор Валерий Косолапов сказал, что ему нужно посоветоваться с женой, поскольку после публикации его уволят. Тем не менее, он принял положительное решение [Сарнов 2003].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бобровская Н.* Набат или благовест для «Колокола»? // Псковская губерния : газ. 2000. № 4 (4), 7—13 сент. URL: gubernia.pskovregion.org/number_4/10.php.

2. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. — СПб. : Диамант, 1999.

3. Итальянский священник бьет во все колокола против финансовой несправедливости // Day.az. 2012. 13 янв. URL: <http://news.day.az/unusual/309167.html>.

4. *Каровская Н. С.* Феномен колокола в русской культуре : дис. ... канд. культурологии. — Ярославль, 2000.

5. *Колокольный звон* против неонацистов. URL: http://beteakin.ucoz.com/news/kolokolnyj_zvon_protiv_neonacistov/2013-04-27-128.

6. *Нарожная С.* Новые колокола Фрауэнкирхе Дрездене. 2004. URL: http://www.decorbells.ru/travel_dres_frauenbells.htm.

7. *О сохранении колоколов.* URL: <http://snt.com.ru/o-sohraneni-kolokolov>.

8. *Оловянишников Н. И.* Колокольные имена // История колоколов и колоколотейное искусство / Н. И. Оловянишников // Колокола.com : интернет-журн. о колоколах и звонах. URL: <http://www.kolokola.com/archives/2642>.

9. *Перельгут Н. М., Сухоцкая Е. Б.* О структуре понятия «политический дискурс» // Вестн. Нижегородск. гос. гуманит. ун-та. 2013. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-strukture-ponyatiya-politicheskij-diskurs>.

10. *Подлинная история* ссыльного угличского колокола // Колокола.py. URL: <http://www.kolokola.ru/history/uglich1.htm>.

11. *Пришвин М. М.* «Когда били колокола...» (Из дневников 1926—1932 годов) // Прометей : историко-биографический альм. — М., 1990. Т. 16. С. 411—422.

12. *Сарнов Б.* Голос крови // Лехаим : ежемес. литературно-публицистический журн. 2003. Ноябрь. URL: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/139/sarnov.htm>.

13. *Серёгина О.* Куда пойти в День Святого Валентина в Дзержинске? // Информационный портал Дзержинска. 2013. 14 февр.

14. *Степанова Н. В., Мельничук Г. А., Попова О. И.* Колокольная тема в книгах и периодике // Библиография. 2013. № 1. С. 125—136.

15. *Шибанов, Василий* // Большая биографическая энциклопедия // Словари и энциклопедии на Академике : сайт. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/119470/Шибанов.

16. *Янов А.* Золотой век русского национализма. URL: <http://www.rubezh.eu/Zeitung/2014/02/25.htm>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.